

Иван Лажечников

Собрание сочинений

Том 2. Последний новик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л16

Л16 **Лажечников И.И.**
Собрание сочинений: Том 2. Последний новик / Иван Лажечников – М.:
Книга по Требованию, 2015. – 484 с.

ISBN 978-5-518-09735-3

Иван Иванович Лажечников — русский писатель, один из зачинателей
русского исторического романа, владелец усадьбы Коноплино.

ISBN 978-5-518-09735-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОСЛѢДНІЙ НОВИКЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ИСПОВѢДЬ ДРУЖВЫ.

И страшень день, и ночь страшна;
И тѣни гробовыя
Онъ всюду слышать грозный вой;
И въ часъ глубокой ночи
Бѣжить одра его покой,
И сонъ забыли очи.

Жуковскій.

Мы оставили русскихъ на маршѣ отъ пепелища розенгофскаго форпоста къ Сагнуцу. Нѣмой, какъ мы сказали, служилъ имъ вожатымъ. Горы, по которымъ они шли, были такъ высоки, что лошади, съ тяжестями взбираясь на нихъ (употреблю простонародное сравненіе), вытягивались, какъ пруть, а спалзывая съ нихъ, едва не свертывались въ клубокъ. Вѣковые Анценскіе лѣса пробу-

дились тысячами отголосковъ: обитавшіе въ нихъ звѣрки, испуганные необыкновенною тревогой, бѣжали, сами не зная куда, и попадали прямо въ толпы солдатъ.

Нѣмой, ведя русскихъ—потому что приказано ему было вести ихъ—горевалъ при мысли, зачѣмъ такое множество людей идетъ на убой себѣ подобныхъ. Но когда передовой отрядъ, при которомъ онъ находился, ворвался въ корчмы, одинако стоявшія въ Анценскомъ лѣсу и служившія шведамъ отводными караульнями; когда раздались въ нихъ вопли умиравшихъ или просившихъ пощады, онъ плакалъ, стоналъ, бросался въ ноги къ русскимъ начальникамъ, обнималъ ихъ колѣна и разными краснорѣчивыми движеніями молилъ о жизни для несчастныхъ, или грозилъ, въ противномъ случаѣ, бѣжать и оставить войско безъ проводника. Ему возражали, что его самого убьютъ за побѣгъ, а онъ—обнажалъ грудь свою. Такимъ трогательнымъ и смѣлымъ посредничествомъ спасена жизнь нѣсколькимъ шведскимъ солдатамъ, застигнутымъ ночью въ корчмахъ. Рѣдкіе изъ нихъ успѣли выпрыгнуть изъ оконъ и разбѣжаться по лѣсамъ. Страхъ придалъ легкости ногамъ ихъ и предупредилъ русскихъ въ Сагницѣ.

Надо сказать, что эта мыза облакачивается къ

западу объ гору, довольно далеко протягивающуюся, къ сѣверо-востоку смотритъ на ровныя поля, а къ полдню обогнута болотомъ, на коемъ ржавѣла еще въ недавнее время осадка потопныхъ водъ. Нынѣ, когда человѣкъ неутомимо допытываетъ всѣ стихіи на свою службу, онъ выжалъ эти воды, отвелъ имъ пути, да не выйдутъ изъ нихъ, и въ первобытномъ, холодномъ ихъ ложѣ добываетъ огонь для своихъ очаговъ и новые источники богатства. Пирамиды и квадраты землянаго угля веселятъ взоры тамъ, гдѣ, бывало, самое легкое животное не смѣло поставить ноги своей. Въ то время, которое описываю, была устросна по болоту узкая, бревенчатая гать, такая удобная и покойная, что ѣзду по ней можно было сравнить развѣ съ рѣчью зайки. По этой-то дорогѣ утромъ 16-го іюля въ безпорядкѣ тянулся къ Платору отрядъ шведскій, испуганный вѣстію о приближеніи нечаянныхъ гостей. Отважиться на бой неравный нельзя было и думать. Начальникъ отряда рѣшился, въ ожиданіи извѣстій отъ Шлиппенбаха, перебраться въ добромъ здоровьи за Платоръ, разрушить тамъ переправу, потомъ разрубить мостъ на Эмбахѣ и тѣмъ задержать, хотя на нѣсколько часовъ, ужасную лаву, втекающую съ такою быстротой въ Лифляндію. Но едва успѣлъ

онъ вывести на гать огромнѣйшій обозъ съ тяже-
стями, какъ показались у Сагницкой кирки шапки
татарскія. Чтобы спасти отрядъ отъ пораженія,
оставалось бросить обозъ и тѣмъ заградить не-
пріятелю единственную за собою дорогу. Такъ и
сдѣлано.

Русскій военачальникъ, не видя возможности
немедленно начать боевой переговоры съ непріа-
телемъ и желая дать отдыхъ войску, утомленному
труднымъ походомъ и приготовить его къ рѣши-
тельному сраженію, развернулъ многочисленныя
силы свои по пространству поля, какъ искусный
игрокъ колоду картъ по зеленому столу. Между
тѣмъ выслалъ значительныя отряды, чтобы завять
мызу, осмотрѣть около нея всѣ мыши норки, очи-
стить дорогу черезъ болото и тѣмъ установить
собщеніе съ непріателемъ.

Крики торжества раздавались при расхищеніи
обоза и мызы. Они отдались въ станѣ, и тогда ни-
что не могло удержать войска, въ немъ оставша-
гося. Какъ при видѣ жертвы срываются гончіе
псы со сворь своихъ, такъ понеслись на добычу
тысячи разнородныя и еще худо знакомыя съ ди-
циплиною. Въ нѣсколько минутъ весь обозъ раз-
бить; а тамъ, гдѣ стояла богатая мыза, возвыша-
лись однѣ безобразныя трубы, какъ на пожарницѣ,

хотя она и не горѣла. За то многіе, перебивая другъ у друга лучшіе кусочки, иные изъ вещи ничтожной, сталкивали и увлекали другъ друга съ тѣсной гати въ трясину, гдѣ усилія вырваться изъ нея еще болѣе въ нее погружали. Добычникъ и добыча, нападавшій и защищавшійся, равно погибали. Видъ торчащихъ изъ болота рукъ, ногъ и головъ, ужасъ и безобразіе смерти на лицахъ утопленниковъ, самая жизнь, бѣснующаяся въ изступленіи страстей, вопли радости, ругательства борющихся, хохотъ побѣды — все соединилось, чтобы составить изъ этого грабежа адскій пиръ. Съ трудомъ могли высшіе начальники унять его, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые офицеры сами подали примѣръ безпорядка. Изъ числа попавшихся въ трясину немногіе вытащены изъ нея христіанскимъ состраданіемъ товарищей.

День прошолъ въ отдохновеніи. Въ станѣ молились, пировали, пѣли пѣсни, мѣняли и продавали добычу. Офицеры разбирали по рукамъ плѣнниковъ и плѣнницъ, назначали ихъ въ подарокъ родственникамъ и друзьямъ, въ Россіи находившимся, или тутъ же передавали, подобно ходячей монетѣ, однокорытникамъ, для которыхъ не было ничего завѣтнаго.

Къ вечеру прибылъ въ станъ и Паткуль безъ

носа, разумью, краснаго, и безъ горба, разбросанныхъ имъ по дорогѣ; но, въ замѣну, съ планомъ гуммельсгофскихъ окрестностей и съ новыми средствами для мщенія. Съ нимъ прибыло лицо, новое для русскихъ — вѣрный служитель, Фрицъ, а вслѣдъ за тѣмъ прикатила на своей тележкѣ маркитантша Ильза. Она отлучалась на цѣлыя сутки изъ войска Шереметева для развоза вѣстей, которыя нужно было Паткулю распустить по Лифляндіи. Многихъ въ это время заставила она горевать по себѣ.

Нынѣшній день она не въ обыкновенномъ своемъ духѣ; она грустна и не можетъ скрыть своей грусти. Ее не утѣшаютъ подарки, отдѣленные для нея изъ военныхъ трофеевъ. Рингенъ и мечь одни въ сердцѣ ея. Она льетъ вино черезъ край мѣрки, забываетъ брать деньги, ей слѣдующія, или требуетъ ужъ заплаченныхъ, отвѣчаетъ несвязно на вопросы, часто вздрагиваетъ, говоритъ сама съ собою вслухъ непонятныя рѣчи и безъ причины хохочетъ. Только Мурзенкѣ старается она особенно угодить: ухаживаетъ за нимъ, какъ нѣжная дочь; готова отдать ему даромъ все, что имѣетъ на своей походной тележкѣ—и не мудрено: Мурзенко навѣрно будетъ первый въ Рингенѣ.

Ночь на 17—с послѣдняя для многихъ въ рус-

скомъ и шведскомъ войскахъ. Какъ тяжолый сви-нецъ, пали на грудь иныхъ смутныя видѣнія; дру-гіе спали крѣпко и сладко за нѣсколько часовъ до борьбы съ вѣчнымъ сномъ. Умъ, страсти, честь, страхъ царскаго гнѣва, надежда на милости Госу-даревы и, повременамъ, любовь къ отечеству ра-ботали въ душѣ вождей.

Было гораздо за полночь. Пѣтухи, уцѣлѣвшіе на развалинахъ Сагница, уже въ третій разъ пе-рекликались съ ночными стражами въ станѣ рус-скомъ. Въ шатрѣ полковника Семена Ивановича Кропотова свѣтился огонекъ. Грустный, измучен-ный душевными страданіями и бессонницею, онъ сидѣлъ, согнувшись, на соломенномъ ложѣ. Черный пышный парикъ былъ снятъ съ головы, и на обна-женной головѣ вѣтеръ, врывавшійся по временамъ въ палатку, шевелилъ два серебряные локона, какъ изсохшія былія на могильномъ черепѣ. Пе-редъ нимъ на колѣнахъ лежала доска съ листомъ бумаги (недавнимъ указомъ запрещено было упо-треблять столпцы): это было духовное завѣщаніе. На краю его дописывалъ онъ послѣднія строки. Крупныя капли слезъ падали изъ помутившихся глазъ его. Нерѣдко прерываемый въ своемъ замя-тіи вѣтеркомъ, силившимся потушить огарокъ, освѣщавшій его трудъ, онъ охранялъ дрожащею

рукою огонекъ. Кончивъ свой трудъ, долго, очень долго смотрѣлъ онъ съ какою-то заботливостію на Полуектова, спавшаго крѣпкимъ сномъ въ одной съ нимъ палаткѣ. Вдругъ, послѣдній, вздрогнувъ, приподнялся съ ложа своего, осмотрѣлся кругомъ и спросилъ товарища, онъ ли его спрашивалъ и что ему надобно.

— Сердце мое спрашивало тебя, — отвѣчалъ Кропотовъ, творя крестное знаменіе: — но голоса я не давалъ.

— Странно! — сказалъ Полуектовъ, тоже крестясь: — меня кто-то во снѣ толкнулъ подъ бокъ тихонько, въ другой разъ шибче, въ третій еще сильнѣе у самаго сердца, и проговорилъ довольно внятно: «Встань.... друга рѣжутъ шведы.... поспѣши къ нему на помощь. Слышишь? Онъ зоветъ тебя.» Но какой ты блѣдный, Семень Ивановичъ! Опять-таки всю ночь не спалъ и опять что-то писалъ?

— Навѣрно голосъ, тебя звавшій, былъ голосъ моего ангела-хранителя. Да, сонъ твой не лживъ; рѣжутъ меня, только не шведы — собственные мои грѣхи. Помоги. Время для меня дорого. Скоро забѣлѣетъ утро, можетъ статья, послѣднее въ жизни моей... и нашей бесѣдѣ могутъ помѣшать.

— Что затѣялъ ты новаго, безразсудный? Мученикъ своихъ чорныхъ думъ, ты вездѣ видишь смерть, или бѣды. Чего добраго! накличешь ихъ.

— И та и другія идутъ безъ зова, Никита Ивановичъ! Дни наши въ руцѣ Божіей: ни одной іоты не прибавимъ къ нимъ, когда они сочтены. Вѣрь, и моему земному житію предѣль близокъ: сердце вѣщуетъ, не обманщикъ. Лучше умереть, чѣмъ замирать всечасно. Вчера я исповѣдался отцу духовному и сподобился причаститься Святыхъ Таинъ; нынѣ, если благословитъ Господь, исполню еще этотъ долгъ христіанскій. Теперь хочу открыть тебѣ душу свою. Ты меня давно знаешь, другъ, но знаешь-ли, какой тяжкій грѣхъ лежитъ на ней?

Полуктовъ молчалъ.

— Нѣтъ, никакими страданіями, никакими молитвами не искуплю своего преступленія! Какъ тяжелый камень, лежитъ оно на сердцѣ моемъ, давить мнѣ грудь, не даетъ на мигъ вздохнуть свободно.

— Искупитель простилъ и разбойника, а ты...

— Хуже его! Вѣдай, я погубилъ свое родное дѣтище.

— Не можетъ статья, Семень Ивановичъ!

Ты не въ умѣ своемъ; ты клепешь на себя на-
пралину.

— Нѣтъ, другъ, воистину говорю тебѣ, какъ
духовнику своему: я погубилъ свое дѣтище, и за
это наказаль меня Богъ. Изъ многочисленнаго
семейства не осталось у меня никого на утѣшеніе
въ старости и по смерти на поминъ души.

Онъ вынулъ письмо изъ кожаной сумочки, ви-
сѣвшей у него на груди вмѣстѣ съ крестомъ, дро-
жащими руками подалъ письмо Полуектову и
произнесъ могильнымъ голосомъ: «Этотъ пода-
рокъ пришолъ ко мнѣ третьяго дня вечеромъ отъ
старушки жены изъ Москвы; прочти и суди, могъ
ли я вчера утромъ быть половинщикомъ въ ва-
шемъ веселіи?»

Полуектовъ читаль посланіе съ какимъ-то внут-
реннимъ, судорожнымъ чувствомъ; видно было,
что онъ снѣдалъ грусть свою.

Послѣдняго! — произнесъ Кропотовъ голосомъ
отчаянной скорби:—хоть бы одного Господь оста-
вилъ — не мнѣ — престарѣлой матери опорю
и кормильцемъ. Но... прости мнѣ, Боже мой!
мнѣ—ль роптать на Тебя, неизреченное Милосер-
діе? Ты наказываешь меня.

— Послѣдняго! — повторилъ Полуектовъ, ка-
чая головой; слезы заструились по щекамъ